

Краткое содержание:

На ощупь как статическое электричество, на вид как тень. Айгенграу. Цвет, который вы видите в отсутствие света. Внутренний серый. Визуальный шум.

Начинаются летние каникулы. Им говорят, чтобы они не расслаблялись и делали все возможное, чтобы оставаться в форме; продолжали заниматься лепкой чакры и упражнением по наклеиванию листьев. Она делает еще один шаг вперед и практикует упражнения тайцзи. Которые, хотя и остаются сложными, становятся легче с наступлением лета.

Она снова копит деньги, хотя их количество заметно уменьшилось, и ест вместе с семьей, чтобы сэкономить на перекусах. Они стараются не спрашивать ее об Академии. Да и вообще ни о чем не спрашивают. Она молчит, изо всех сил стараясь исчезнуть в тишине.

Они больше не поручают ей никаких дел - ни просьб сходить за сообщениями к старушке в травяной лавке, ни нескольких рё за тофу... Она смирилась с этим и проводит больше времени с Рин, Обито и Гаем.

Обито уже знает несколько техник ниндзя - одну из них, технику Великого Огненного Шара. Это клановая техника, ритуал посвящения, поэтому он не хочет учить ее.

Он также знает Катон: Рюка но Дзюцу, или Высвобождение огня: Техника Огня Дракона.

"Рюка но Дзютсу в любом случае проще!" говорит ей Обито. "Печати - Змея, Дракон, Кролик и Тигр. А еще это техника огненного дыхания!"

Она отрабатывает последовательность несколько раз, пока Обито пытается объяснить, как формировать чакру, а он лишь издает множество драконьих звуков и плюется повсюду... У него уникальный способ объяснения.

С Гаем она пытается справиться с его безумными задачами. Он назвал ее своей второй соперницей, и она полна решимости оправдать его ожидания, даже если не совсем понимает, что это за ожидания.

Однажды днем он вызывает ее на соревнование по приготовлению барбекю из всего, что можно съесть.

Если они смогут съесть все, то это будет бесплатно, а денег ни у кого из них нет, так что проигрыш - не вариант. Они заставляют себя съесть все, и в итоге получается ничья.

Она думает, что это чуть не убило ее. Смерть от переедания, думает она, - это было бы что-то.

В середине летних каникул она приезжает к Рин и видит, что Обито и Гай ждут ее. Она не думает, что они планировали встретиться сегодня, но иногда забывает о таких мелочах. Все они одеты в черное, а отец Рин стоит с костылем, аккуратно подвязав штанину.

Она замирает в дверях. По щекам Обито текут слезы. О. О нет.

Хонока смотрит отцу Рин прямо в глаза. Некоторые вещи просто неизбежны.

"Нохара-одзи-сан... Кто умер?"

Содзи поджал губы.

"Хатаке Сакумо-доно".

Отец Какаши, человек с мягкой улыбкой и теплым смехом.

Рин бросается вперед и крепко обнимает ее. Рин выше ее ростом. Ее слезы исчезают в воротнике рубашки Рин.

О. Это первый раз, когда она плачет... слишком давно.

"Переодевайся. Похороны через час. Рин приготовила для тебя наряд наверху".

Несмотря на собравшихся, они отправляются в цветочный магазин Яманаки, чтобы купить по одной белой хризантеме на могилу Сакумо и вместе пойти на похороны. На похоронах все довольно скучно. Они стоят на приличном расстоянии от входа, и Какаши - единственный человек в первом ряду. Должно быть, в клане Хатаке не осталось ни одного родственника.

Она чувствует оцепенение и тяжесть в груди.

Это... это, наверное, то, чего ей придется ожидать, став шиноби.

Служба коротка, и почти сразу же их зовут возложить цветы на могилу. Большинство людей просто встают и... уходят. Несколько человек остались стоять в стороне, просто наблюдая. У них нет ни цветов, ни соболезнований. Волоски на ее шее встают дыбом.

В воздухе витает напряжение, и она задается вопросом, почему так мало людей отдают дань уважения Хатаке Сакумо. Он ведь герой, не так ли? Был-был героем.

"Значит, он бросил миссию и не смог справиться с последствиями? Он должен был просто умереть, когда у него был шанс".

Маленькие плечи Какаши вздрагивают и напрягаются, натянутые, как лук без стрелы. У Хоноки защемило в груди.

"Разве можно его винить? Я бы тоже предпочел умереть, чем терпеть позор провала". Смех. Они смеются над Сакумо.

По ее лицу текут злые слезы. Губы дрожат, и она не знает, как направить эти сырые, переполняющие ее чувства. Все, что она может думать, - это то, что Какаши слышит писк этих жалких крыс!

Она сжимает кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и разворачивается на пятках. "Что же тебя останавливает?!" - кричит она, выжимая из легких все до последней капли ярости.

Они сфокусировались на ее маленькой фигуре, разжали руки и уставились на нее. Она подавляет свою обжигающую ярость, проглатывает ее и выдыхает, как огонь.

"Если вы не можете вынести стыда за то, что поступаете правильно, вы не имеете права приходить сюда и жаловаться!"

Кто-то открывает рот, а она смотрит на него сквозь жгучие слезы. Кислота поднимается в ее горле.

"Уходите!"

Содзи молча кладет руку ей на плечо, крепко прижимая к себе. Остынь, - как бы предостерегает он.

Ее вспышка донесла до него суть, и он ни в коем случае не станет упрекать ее в присутствии этих неблагодарных идиотов. Он согласен с ней, и они это знают. Поэтому они понимают намек и разбегаются.

"Боже, малыш. Уменьши ауру. Ты не можешь проецировать столько убийственного намерения на союзников".

Рин, Обито и Гай потрясены - такой реакции от Хоноки они не ожидали.

Она протирает глаза и громко сопит. Она не чувствовала себя такой вспыльчивой с тех пор, как стала Томоэ, и даже тогда она пылала только ради себя самой. Но Какаши никогда не даст волю своему нраву, и это очень печально. Ему больно держать все это в себе, поэтому кто-то

должен выпустить это наружу. Он не должен чувствовать все это в одиночку. Но, может быть, она ошибается и поступает эгоистично, давая волю чувствам, которые не может сдержать. Может быть, Какаши не хочет, чтобы о нем узнали, чтобы его услышали.

От неуверенности в себе она сжала кулаки, и голос ее дрогнул.

"Прости... Это несправедливо. Я не знала Хатаке-сана хорошо, но могла сказать, что он хороший человек. Это несправедливо. Почему хорошие люди умирают за таких отбросов, как они?" Она с трудом сдерживает рыдания, напоминая себе, что Какаши - единственный, кто действительно страдает.

Конечно, ее плач похож на проклятый разрыв, и тогда Рин, Обито и Гай тоже плачут. Какаши стоит спиной к ним, прижав подбородок к груди. Его маленькие плечи вздрагивают, и Хонока снова и снова думает о том, что это несправедливо.

Проходит лето.

Первый день возвращения к занятиям проходит странно. Хонока считает, что это просто странно - вернуться к расписанию после столь долгого отсутствия, даже если котел по-прежнему будил ее каждое утро летних каникул в обычное время.

Она садится на свое обычное место.

Какаши сидит на своем обычном месте.

Входит Дзюн-сенсей и призывает класс к порядку. Обито захлопывает дверь, торопливо извиняясь и преувеличенно оправдываясь. Сенсей приказывает ему сесть.

"Во-первых, с возвращением. Я вижу, мы все целы и невредимы - хорошо, хорошо!" Если его взгляд задерживается на Какаши, никто не замечает этого - или тактично делают вид, что не замечают. "Это второй семестр. Сейчас мы официально начнем изучать ниндзюцу. Теория ниндзюцу будет до обеда, а практика - сразу после".

Он перечисляет еще несколько изменений, а затем заканчивает то, что Хонока приравнивает к домашнему уроку, последним объявлением.

"И хотя я не думаю, что это касается кого-то из вас, выпускной экзамен этого семестра может быть оспорен десятого сентября. Он состоится утром. Если вы хотите подать вызов,

пожалуйста, сообщите мне об этом до начала занятий в этот день".

Проходит утро, и теория ниндзюцу заканчивается.

"Итак, кто что слушал в этом году? Какие три ниндзюцу вы все должны выучить перед выпуском?"

Куренай поднимает руку и отвечает. "Хенге-но дзюцу, Каварими-но дзюцу и Буншин-но дзюцу".

"Ты прав, Куренай-кун". Дзюн-сенсей оценивает их. "Кто-нибудь знает другие дзюцу?"

Руки взлетают вверх.

"Обито-кун?"

"Гокакю но дзюцу...! И Рюка-но дзюцу!"

"Хорошо, хорошо! Клан Учиха особенно хорошо владеет этими техниками".

Дети называют еще несколько дзюцу.

"Очень хорошо! Сейчас мы сделаем перерыв на обед. После мы увидим некоторые из этих дзюцу на практике!"

<http://tl.rulate.ru/book/105582/3755082>